

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБУЛЛИНГА: ЖЕРТВЫ И АГРЕССОРЫ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Айнутдинова К.А., канд. юрид. наук, доцент,
Университет управления «ТИСБИ», г. Казань;*

*Айнутдинова И.Н., д-р пед. наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. Цель статьи - проанализировать кибербуллинг с позиции сетевого взаимодействия жертв и агрессоров и негативных последствий травли в сети. Нами был уточнен терминологический аппарат исследования, рассмотрены проблемы нормативно-правового регулирования кибербуллинга в РФ, изучены внешние и внутренние детерминанты кибербуллинга, особенности и специфика совершения данного преступления, ролевая структура кибербуллинга, основные категории и формы кибербуллинга. На основании проведенного исследования дана авторская классификация кибербуллинга с учетом воздействия на жертву; сделан вывод о необходимости ужесточения ответственности за кибербуллинг и изучения виктимологических аспектов кибербуллинга для его профилактики.

Ключевые слова: кибербуллинг, травля, жертва, агрессор, сетевое взаимодействие.

Abstract. The purpose of the article is to analyze cyberbullying from the standpoint of network interaction between victims and aggressors and the negative effects of online bullying. We have clarified the terminological apparatus, considered problems of legal regulation of cyberbullying in Russia, examined the external and internal determinants, the features and specifics of commission of cyberbullying, the role structure of cyberbullying, the main categories and forms of cyberbullying. Based on the study, the author's classification of cyberbullying is given considering its impact on the victim; it is concluded that there is a need to strengthen responsibility for cyberbullying and to study victimological aspects of cyberbullying for its prevention.

Key words: cyberbullying, bullying, victim, aggressor, networking.

Обращение к теме исследования продиктовано рядом обстоятельств, одним из которых является рост числа сообщений в СМИ и в публикациях ведущих экспертов компаний, занимающихся разработкой систем защиты от киберугроз (Лаборатория Касперского, Доктор Веб (*Dr Web*) и пр.), о фактах агрессии и травли в отношении пользователей сети «Интернет» разных возрастов. Агрессивное

поведение по отношению к другим людям в киберпространстве может проявляться по различным причинам и выражаться во множестве форм и видов, а его негативные последствия могут различаться от снижения самооценки, тревожных расстройств до панических атак, социофобии и суицида жертв [1].

Систематические агрессивные действия (издевательство, травля, угрозы и пр.), направленные против другого человека в социальных сетях, мессенджерах или иных современных средствах коммуникации (форумах, блогах, чатах и пр.), принято называть англоязычным термином «кибербуллинг» (*cyberbullying*) [2]. Некоторые авторы при этом намеренно терминологически разграничивают это деструктивное явление с учетом возраста участников, выделяя «кибербуллинг» для описания агрессии и травли в подростковой и молодежной среде [3], а для иллюстрации намеренных продолжительных массовых оскорблений, угроз, диффамации и пр. в отношении взрослых используют понятие «кибермоббинг» (*cybermobbing*) [3]. Однако для удобства изложения результатов исследования далее мы будем придерживаться обобщенного термина «кибербуллинг» в контексте рекомендаций ЮНЕСКО (*UNESCO*), отраженных в отчете этой международной организации за 2021 г. [4], где указывается, что кибербуллинг распространен во всем мире и затрагивает все категории пользователей Интернета.

Примечательно, что именно по инициативе ЮНЕСКО 5 ноября 2019 г. был учрежден Международный день борьбы против насилия, травли и кибербуллинга. В том же году проект VK (ВКонтакте) призвал всех, для кого любое насилие в сети и за ее пределами недопустимо, к объединению и провозгласил 11 ноября Днем борьбы с кибербуллингом в России. Этот шаг был с энтузиазмом поддержан пользователями, так как многие из них лично сталкивались с травлей и жестокостью в сети «Интернет» и нуждались в поддержке и советах по управлению эмоциями и защите от агрессии обидчиков. В рамках VK проекта в 2021 г. была запущена информационно-коммуникационная платформа «Сферум» (*Sferum*; <https://sferum.ru/>), где помимо VK мессенджера, обеспечивающего безопасный доступ к образовательным ресурсам, школьным чатам и видеоурокам, педагогам и школьникам предоставляется возможность узнать, как справиться с кибербуллингом и другими проблемами, связанными с цифровым пространством. С марта 2022 г. «Сферум» совместно с онлайн-ресурсом «Вариант» и Агентством стратегических инициатив (АСИ) запустил бесплатный Telegram-канал, где предлагается комплекс мер по психологической поддержке работников сферы образования, включая практические советы по сохранению эмоциональной и

профессиональной устойчивости, алгоритмизации взаимодействия с коллегами, в том числе в сети «Интернет», и пр. Далее, в ноябре 2022 г. Минцифры России совместно с «РТК-Соларом» в целях повышения цифровой грамотности граждан, их информированности о безопасном поведении в сети «Интернет» и противостоянии киберугрозам запустило три спецпроекта; один из них - «Кибербуллинг» (<https://xn--90aiddcl6ao.xn--p1ai/bulling>) как раз и нацелен на привлечение внимания наиболее уязвимых групп пользователей к проблеме травли в социальных сетях и мессенджерах и путей борьбы с этим злом. Также на портале Госуслуг появился новый раздел «Кибербезопасность – это просто!», посвященный безопасному поведению в сети «Интернет», что также призвано повысить киберграмотность населения и оградить его от различных типов угроз - от взлома аккаунта до телефонного мошенничества (вишинга) и кибербуллинга.

Несмотря на активность государственных и коммерческих организаций в деле популяризации знаний о распространенных формах киберугроз и мерах противодействия им, проблема кибербуллинга остается за рамками правового регулирования в РФ. Дело в том, что законом понятие «кибербуллинг» не определено, и ответственность за него, соответственно, не предусмотрена. Однако, в зависимости от характера совершенных действий и наличия определенных правовых и социальных признаков (общественная опасность, виновность, противоправность, наказуемость) виновное лицо могут привлечь к гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности [5]. Так, если совершенные действия субъекта затронули нематериальные права другого лица (его честь и достоинство, деловую репутацию, семейную тайну, частную жизнь) и не привели к наступлению общественной опасности, то такое деяние будет квалифицироваться в соответствии с установленными нормами гражданского законодательства. При этом потерпевший вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений (ч. 1 ст. 152 ГК РФ), а если такими действиями ему были причинены физические и нравственные страдания, то суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда (ч. 1 ст. 151 ГК РФ) [6].

Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, влечет наложение административного штрафа в размере от 3 до 5 тыс. руб. (ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ), а совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», или в отношении нескольких лиц, в том числе

индивидуально не определенных, грозит штрафом от 5 до 10 тыс. руб. (ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ). Также возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», влекут наложение штрафа от 10 до 20 тыс. руб. или обязательные работы на срок до 100 часов, или административный арест на срок до 15 суток (ст. 20.3.1 КоАП РФ) [7].

Более суровые наказания, вплоть до лишения свободы, предусмотрены Уголовным кодексом РФ [8]: за клевету (ст. 128.1 УК РФ); нарушение неприкосновенности частной жизни, включая распространение личной информации (ст. 137 УК РФ); угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ); доведение до самоубийства вследствие угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства (ст. 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ); организацию деятельности, побуждающей к самоубийству (ст. 110.2 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства с угрозой применения насилия (ч. 2 ст. 282 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ); развратные действия и домогательства в отношении лиц до 16 лет (ст. 135 УК РФ); незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ч. 3 ст. 242 УК РФ) [8].

Анализ показывает, что российское законодательство содержит отдельные положения, позволяющие в той или иной мере применять их к регулированию некоторых форм кибербуллинга, но на практике установление факта самого деяния и привлечение к ответственности за него по действующим нормам сопровождаются рядом проблем [3; 5; 9]. Они вызваны, прежде всего, неоднозначностью правовой и социальной характеристики кибербуллинга [5]; массивом внешних (глобализация, интеграция, эволюция до социального Web 2.0, цифровизация и др.) и внутренних (зависть, месть, эгоизм, агрессивность, конфликтность, низкий уровень эмпатии, конформизм, социофобия, проблемы в личной жизни и др.) детерминант; особенностями кибербуллинга и спецификой его совершения (сетевое взаимодействие в заведомо небезопасной цифровой среде, анонимность, отсутствие обратной связи, систематичность, непрерывность, целенаправленность, неограниченное число наблюдателей, подвижность ролевой структуры, вседозволенность, феномен растормаживания в сети и др.) [1; 2; 9].

Расхождения в формулировках форм и типов кибербуллинга,

неполное раскрытие их сути и содержания, недостаточное внимание к некоторым проявлениям индивидуально-личностных характеристик жертв, агрессоров и наблюдателей негативного сетевого взаимодействия, игнорирование особенностей и стратегий участия каждого из них в ролевой структуре кибербуллинга, малая исследованность виктимологических аспектов кибербуллинга в целом снижают эффективность превентивных мер и осложняют противодействие травле в сети.

Исходя из определения кибербуллинга как особого вида систематической агрессивной травли, запугивания и издевательства над жертвами в сети «Интернет» (через социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, электронную почту и др.) с намеренным использованием публичных оскорблений, распространением ложных или порочащих сведений (диффамации), размещением видеоконтента компрометирующего характера, рассылкой угроз применения насилия и иных действий, унижающих честь и достоинство человека или группы лиц, и др. [2; 3; 5; 9], далее рассмотрим ролевую структуру кибербуллинга (жертва, агрессор, наблюдатель) и определим некоторые категории и формы кибербуллинга.

Ролевую структуру кибербуллинга принято рассматривать в контексте социального сетевого взаимодействия, где все участники – жертвы, агрессоры (преследователи) и наблюдатели за развитием ситуации – играют разные, как бы назначенные им роли и в значительной мере влияют на поведение друг друга [10]. Следует отметить, что данные роли не фиксируются и не закрепляются за участниками навсегда. Так, со временем жертва сама может инициировать травлю в сети и приобрести новую роль «жертвы-агрессора», агрессор может из преследователя превратиться в жертву, а наблюдатели из пассивных свидетелей кибертравли могут перерасти в сторонников, поддерживающих и поощряющих агрессора (помощники), или перейти на сторону жертвы и пытаться защитить ее (защитники) [10; 11]. Нередко наиболее активные наблюдатели из числа «помощников» и «защитников» сами оказываются в роли жертв и агрессоров [10]. Частая и непредсказуемая трансформация ролей участников кибербуллинга осложняет задачу составления виктимологического портрета идеальной жертвы данного преступления, как и описание агрессора или наблюдателя. Можно лишь выделить основные характеристики лиц, которые чаще других подвергаются травле в сети и становятся жертвами: это пугливость, тревожность, замкнутость, отчужденность, заниженная самооценка, психосоциальные и эмоциональные проблемы, внешняя враждебность, неуверенность и тревожность при любой коммуникации, склонность к депрессии, суицидальному

поведению и пр. [11]. Однако известно, что практически каждый человек независимо от возраста, пола, образования и психологической организации может стать жертвой травли в сети.

Для понимания вовлеченности каждого из участников ролевой структуры в кибербуллинг рассмотрим некоторые виды данного преступления в рамках выделенных нами категорий и дадим им краткие характеристики. Отметим, что каждая категория включает агрессивные намеренные действия преследователя, желающего нанести тот или иной урон своей жертве в публичном пространстве для удовлетворения своих досуговых запросов, выплеска агрессии, злобы и мести. Категоризация проведена с учетом воздействия агрессора на жертву и включает следующие разделы: унижение жертвы; дискредитация жертвы; обман жертвы; угрозы жертве; сексуальное насилие и психологическое насилие над жертвой.

К категории «унижение жертвы» мы отнесли такие виды кибербуллинга, которые даже при наличии агрессивного, издевательского и/или оскорбительного поведения с целью провокации конфликта редко носят системный характер, не включают угроз физической расправы и не несут явной общественной опасности; их можно с натяжкой отнести к сетевой коммуникации с нарушением морали и этики. Среди них: бойкот (намеренное исключение жертвы из всех сетевых социальных групп общения с целью унижения, психологического давления, порождения чувства одиночества и социальной изоляции); троллинг (провокации в общении, эпатаж с использованием оскорблений и ненормативной лексики с целью унижить, разозлить жертву, втянуть ее в конфликт и побудить к ответным оскорблениям); флейминг (бесцельный «спор ради спора» в пабликах и чатах, сопровождаемый унижением, критикой, негативными эмоциями, угрозами, оскорблениями, обесцениванием жертвы на грани конфликта и пр.) [1].

Но есть и более жестокие формы кибербуллинга. «Дискредитация жертвы» включает: аутинг (преднамеренная публикация личной информации человека без его согласия с целью унижения и компрометации); диссинг (распространение информации с целью опорочить человека на основании непроверенных сплетен и слухов); диффамация (публикация, разглашение и распространение в сети порочащих жертву сведений); хейтинг (систематическое открытое выражение неприязни, ненависти, негативные комментарии в адрес жертвы или явления) [3].

«Обман жертвы» (например, через поддельные профили) включает: кетфишинг (воссоздание или создание нового профиля, полностью идентичного оригинальному профилю жертвы в

соцсетях, на основе украденных фотографий и личных данных для компрометации и нанесения ущерба репутации владельца); фрейпинг (получение контроля над чужой учетной записью в социальных сетях и публикация нежелательного контента от имени владельца с целью наживы) [9].

«Угрозы жертве» включают: анонимные угрозы (регулярные записки оскорбительного характера, присылаемые на e-mail, в личку в соцсетях и пр., с целью устрашения, запугивания и унижения жертвы) [3]; домогательство (постоянная умышленная рассылка оскорбительных и угрожающих сообщений с целью давления на жертву и создания невыносимой психоэмоциональной обстановки); преследование (регулярная и продолжительная отправка жертве сообщений угрожающего характера с целью вымогательства или шантажа); киберсталкинг (Интернет-преследование жертвы через угрозы, запугивание, отслеживание ее местонахождения и действий в виртуальном и реальном мире).

«Сексуальное насилие» включает: киберхарассмент (виртуальные домогательства жертвы в форме навязчивой переписки, нежелательных звонков, сообщений непристойного характера и пр.); секстинг (переписка в сети с принуждением жертвы к обмену откровенными текстами и интимными фото или видео для дальнейшей публикации); кибергруминг (налаживание доверительных отношений с ребенком в сети с целью сексуального насилия над ним в реальной жизни); сексторшен (налаживание доверительных отношений с ребенком в сети для получения интимных фото или видео для дальнейшего шантажа) [3; 10; 11].

«Психологическое насилие» включает: хеппислепинг (видеоролики с реальными сценами насилия, на которых агрессоры избивают жертву или издеваются над ней, далее ролики «заливаются» в Интернет для дальнейшего психологического насилия над физически пострадавшей жертвой); киберсуицид (самоубийство в реальном времени перед камерой в результате знакомства и провокационного общения в сети или обсуждение процесса самоубийства в чате; бывают индивидуальные и групповые («согласованные», «флэш-суицид»)) [1; 3].

Приведенная классификация подтверждает, что роль жертвы часто бывает решающей в ситуации кибербуллинга. Виктимное поведение пользователей в сети может быть антиобщественным и провокационным, самоповреждающим и саморазрушающим, гиперсоциальным, бескомпромиссным и способствующим созданию конфликтных ситуаций и опасных действий по отношению к ним [12]. Наряду с этим виктимное поведение в сети может быть

пассивным, беспомощным и некритичным и также привлекать агрессоров к совершению кибербуллинга. При всей важности поднятой нами темы следует признать, что виктимологические аспекты кибербуллинга требуют дальнейшего глубокого изучения, а российское законодательство нуждается в поправках и ужесточении ответственности за кибербуллинг с учетом реалий цифровой трансформации общества и возможных негативных последствий от перемещения виртуальной травмы в реальную жизнь.

Список источников:

1. Колодезникова М.В., Николаев Е.В. Кибербуллинг и его психологические последствия // *The Scientific Heritage*. – 2020. – Т. 5. – № 56. – С. 52–54.
2. Жихарева Л.В., Лучинкина И.С., Гребенюк А.А., Лучинкина А.И. Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 115–126.
3. Галанова А.-А.В. Кибербуллинг, кибермоббинг и киберсуицид как формы девиантного поведения в цифровом обществе // *Возможности и угрозы цифрового общества: сб. научных статей под общ. ред. А.В. Соколова, А.А. Власовой*. – Ярославль: Изд-во: ООО «Аверс Плюс», 2018. – 145 с. – С. 32–34.
4. ЮНЕСКО. Борьба с кибербуллингом и другими формами онлайн-насилия с участием детей и молодежи: основные факты. – 2021 (02). – 7 с.
5. Ложкина Т.Е., Могилёва Е.В., Первакова А.С. Правовое регулирование кибербуллинга в России и зарубежных странах // *Право. Экономика. Психология*. (ВГУ им. П.М. Машерова) – 2022. – № 2 (26). – С. 24–29.
6. Гражданский кодекс РФ (ч. 1) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (доступ 02.02.2023).
7. КоАП РФ от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 27.01.2023) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (доступ 04.02.2023).
8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (доступ 01.02.2023).
9. Михалева Г.М. Буллинг и хейтерские кампании в сетях. Есть ли способы регулирования? // *Труды по интеллектуальной собственности [Works on Intellectual Property]*. – 2022. – Том 40. – № 1. – С.36–41.
10. Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // *Национальный психологический журнал*. – 2019. – № 3 (35). – С. 17–31.
11. Фоминых Е. С. Виктимологические аспекты взаимодействия в медиа пространстве // *Виктимология*. – 2021. – Том 8. – №2. – С.183–188.
12. Путинцева А.В. Особенности жертв кибербуллинга // *E-Scio*. – 2019. – № 9 (36). – С. 678–684.